

Процессы, влияющие на среднесрочную динамику политической нестабильности в США (2010–2020 гг.)

Введение

Можно ли прогнозировать будущее? Конечно, можно. Прогнозы будущего регулярно печатаются в газетах, и не только в рубрике «астрология». Например, известный политолог И.Н. Панарин недавно предсказывал, что осенью 2009 г. США постигнет коллапс. Т.е. прогнозировать будущее можно, но никакой гарантии, что прогноз сбудется, нет (скорее наоборот). Как говорил народный американский философ, а по совместительству звезда бейсбола Йоги Берра, «предсказания очень трудно делать, особенно о будущем».

Точный прогноз будущего невозможен по нескольким причинам, таким как свободная воля человека и проблема «самосбывающегося пророчества» (когда сама по себе публикация прогноза влияет на поведение людей таким образом, что прогноз сбывается; возможна и обратная ситуация, когда прогноз приближающейся катастрофы подвигает людей принять меры, для того чтобы ее предотвратить). Более общая проблема заключается в том, что общество — сложная система, динамика которой регулируется нелинейными обратными связями.

Турчин Петр Валентинович — профессор факультета экологии и эволюционной биологии Коннектикутского университета, США.

Поведение таких систем характеризуется труднопрогнозируемыми (или просто непрогнозируемыми) нерегулярными колебаниями (так называемый математический хаос).

Вышесказанное не означает, что социальные системы в отличие от процессов, изучаемых естественными науками, в принципе непознаваемы. Долгосрочный прогноз невозможен и в большинстве физических и биологических систем — хорошо известна сложность прогноза погоды, землетрясений и эпидемий. В любом случае главное в науке — не прогноз, а понимание процессов и причинно-следственных связей (прогноз играет вспомогательную роль — в проверке гипотез (1)).

Цель данной статьи — описание долгосрочных глубинных процессов, протекающих в американском обществе и влияющих на динамику политической нестабильности. Эти процессы протекают на разных временных шкалах, и наложение их друг на

друга приводит к очень сложной динамике. Тем не менее использование теорий, разработанных и апробированных в исторической динамике («клиодинамике»; 2, 3), и богатой базы данных по экономическим, демографическим и социальным показателям США позволяет приблизиться к пониманию процессов, определяющих, куда будет двигаться американское общество в среднесрочной перспективе (к 2020 г.).

Структурно-демографические процессы

Структурно-демографическая теория (СДТ) представляет общество как динамическую систему, состоящую из трех основных подсистем: народ, элиты, государство (4, 5). Термин «элиты» используется нами в социологическом смысле: сегмент населения, который концентрирует власть в своих руках, «правлящий класс». Т.к. в США основной вид социальной власти (из четырех, выделяемых Манном; 6) — экономический, то в первом (и достаточно точном) приближении мы можем определить американскую элиту как 1% наиболее состоятельных людей, которые контролируют американскую экономику (например, в 2007 г. в США этот сегмент населения владел 34,6% всего национального достояния и 49,7% инвестиционных активов; 7).

Нелинейные связи в системе народ — элиты — государство приводят к долгосрочным колебаниям в демографических, экономических, социальных и политических структурах обществ, «вековым циклам». Вековой цикл состоит из двух фаз: интегративной (сильное государство, внутренний мир и порядок) и дезинтегративной (слабое государство, социальная и политическая нестабильность, революции и гражданские войны). Характерная продолжительность каждой фазы — около столетия.

Переход от интегративной фазы к дезинтегративной происходит в результате действия трех основных структурно-демографических процессов, рассмотренных ниже. Заметим, что некоторые из этих процессов уже были изучены Томасом Мальтусом, другие — Карлом Марксом, третьи — Максом Вебером. Однако СДТ не является ни грубой мальтузианской теорией, ни неомарксизмом, а скорее новой синтетической теорией.

Демография и благосостояние

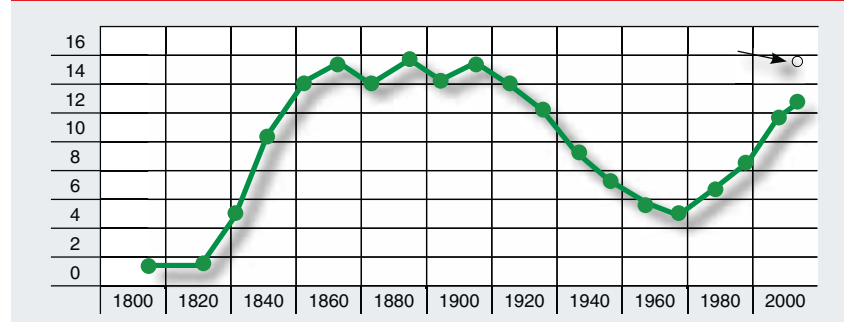
Первый процесс — избыточное предложение на рынке труда, ведущее к падению уровня жизни основной части населения («иммизерации»). В традиционных аграрных обществах такой мальтузианско-рикардовский эффект имеет место в результате внутреннего демографического роста. С другой стороны, в США классическая мальтузианская проблема никогда не была актуальной из-за огромного количества свободной земли (конечно, сначала ее нужно было отобрать у индейцев, но рассмотрение этого процесса выходит за рамки данной статьи). Поэтому избыточное предложение труда в США формировалось в результате массовой иммиграции. На *рис. 1* показано, что США испытали две волны иммиграции — в XIX в. (по преимуществу из Европы) и во второй половине XX в. (со всего мира).

В обоих случаях избыточное предложение труда привело к падению его стоимости и, в результате, к ухудшению качества жизни населения. Так, во II половине XIX в. средний рост американцев, рожденных в США, уменьшился на 4 см, а продолжительность жизни упала почти на 10 лет. В первой половине XX в., особенно после 1920-х гг., когда приток иммигрантов был резко перекрыт, оба демографических показателя качества жизни быстро росли. В конце XX в., однако, этот рост сменился стагнацией, и граждане США перестали быть самой высокой нацией в мире. Положение беднейших слоев населения стало даже ухудшаться в абсолютном выражении — опять выросла детская смертность, уменьшился средний рост. При этом средний вес увеличивался, что позволило одному из специалистов по антропометрике Джону Комлосу озаглавить недавнюю статью: «От самых высоких до (одних из) самых жирных: странная судьба американского населения в XX в.» (8).

Данные по реальной заработной плате, недавно обнародованные Сэмюэлем Уильямсоном (9), позволяют достаточно точно определить переломный момент в динамике народного благосостояния в США (*рис. 2*). Между 1920-ми и 1970-ми гг. реальная заработная плата выросла в 3,5 раза, а после 1970-х гг. она стагнировала. На

Рисунок 1

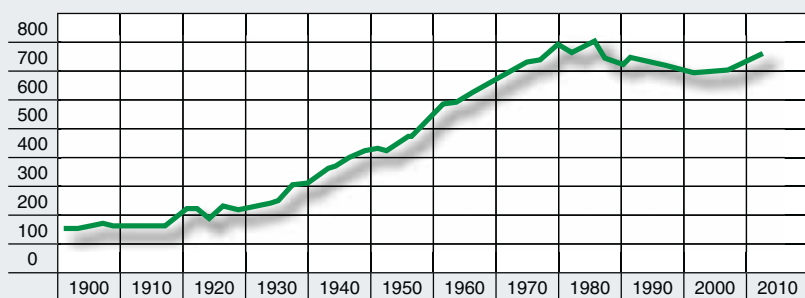
Две волны иммиграции в США. По оси абсцисс отложен процент американского населения, рожденного вне США. Для периода после 1960 г. график отражает только легальную иммиграцию. Добавив число нелегальных иммигрантов, мы получим оценку примерно в 15% (кружок, на который указывает стрелка), т.е. такой же уровень, как и во II половине XIX в.

Источник: Бюро цензов США.

Рисунок 2

Индекс реальной заработной платы для малоквалифицированных работников

Источник: <http://www.eh.net/hmit/databases/unskilledwage/>

самом деле ситуация даже хуже, чем показано на графике. Дело в том, что начиная с 1983 г. государственные статистические органы стали систематически занижать официальную оценку инфляции (10). После 1996 г. (когда был принят еще более «улучшенный» метод расчета) среднее расхождение между официальными данными по инфляции и оценками, основанными на критериях, использовавшихся до 1983 г., составило 6%. Это означает, что рост заработной платы после 1996 г., показанный на графике, не является реальным.

Надо отметить, что приток дешевой рабочей силы в результате второй массивной волны иммиграции — только один из факторов, объясняющих падение ре-

альной заработной платы (хотя и самый важный: по оценкам экономистов, он дал примерно половину эффекта; 11, 12). Второй важный фактор — утечка рабочих мест за границу, связанная с глобализацией (впрочем, механизм тот же самый — изменение баланса предложения и спроса на труд). Третий фактор — изменение структуры рынка труда и уменьшающийся спрос на неквалифицированных работников. Четвертый — такие трудно квантифицируемые, но тем не менее совершенно реальные процессы, как изменение этоса правящего класса. Грубо говоря, если до 1970-х гг. установка была на то, что «надо делиться», то начиная с 1980 г. получило распространение мнение, что «жадность — это хорошо». Руководители предпри-

ятий перестали видеть что-то зазорное в том, что они выплачивают себе все более высокую зарплату и дивиденды, одновременно урезая зарплату рабочим.

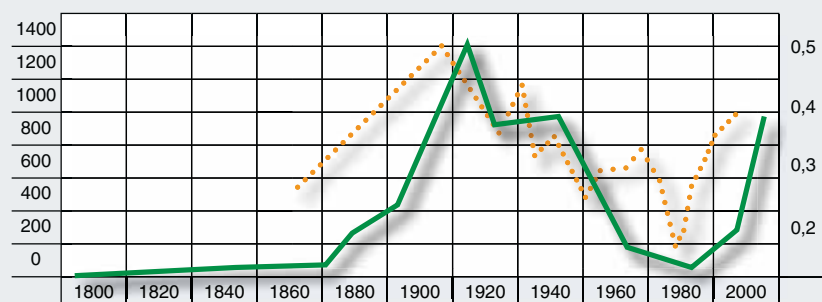
Элиты

Стагнация (или даже падение) заработной платы означает, что плоды роста экономики достаются преимущественно экономическим элитам (которые в США составляют ядро правящего класса). Следовательно, состояния самых богатых членов общества должны расти гораздо быстрее, чем средние показатели по обществу (например, ВВП на душу населения), т.е. должно расти экономическое неравенство. Как показано на рис. 3, экономическое неравенство в США изменялось циклически. До 1830 г. оно было на крайне низком уровне — самые большие состояния исчислялись всего несколькими миллионами долларов. Ситуация резко изменилась во второй половине столетия, неравенство достигло первого пика в начале XX в., когда впервые появились гигантские (на тот момент) состояния в 1–2 млрд долл. Для сравнения, средняя годовая зарплата выросла всего лишь с 350 до 800 долл. В это время 1% (самый богатый) населения владел половиной национального достояния. После 1920-х гг. неравенство стало стремительно уменьшаться. Этот период впоследствии получил название «великого сжатия». Что особенно интересно, размер самых больших состояний продолжал колебаться в диапазоне 1–2 млрд. Другими словами, весь рост экономики уходил на повышение благосостояния «простых тружеников».

В конце 1970-х гг. произошел новый перелом, и с тех пор, как уже было отмечено, все плоды роста экономики опять стали доставаться исключительно верхним экономическим стратам, что дало повод многим комментаторам назвать последний период истории США «Новым позолоченным веком».

Рисунок 3

Экономическое неравенство в США: два индекса. Первый индекс (сплошная линия, левая шкала) — состояние самого богатого человека в США, выраженное в тысячах годовых зарплат среднестатистического американца. Второй индекс (пунктир, правая шкала) — доля национального богатства, принадлежащая 1% самых богатых семейств США (т.е. элите, в первом приближении)

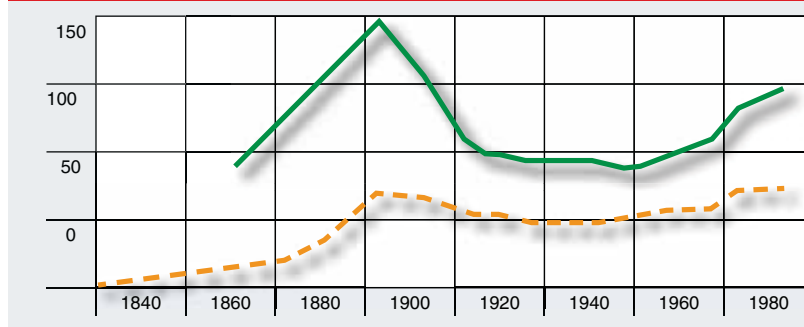
Источник: Phillips K. 2002. *Wealth and Democracy: A Political History of the American Rich*, New York: Broadway Books.

Итак, избыточное предложение труда в краткосрочном плане создает крайне благоприятные экономические условия для элит. Но оно также несет в себе семена будущих проблем. Во-первых, когда богатство становится фундаментом социального статуса, важен не абсолютный его уровень, а относительный — по сравнению с референтной группой. Поэтому успешные члены элиты никогда не удовлетворяются достигнутым, а неудачники испытывают особенно острые страдания, когда не могут успешно соревноваться в показном потреблении. Во-вторых, благоприятная экономическая конъюнктура приводит к появлению так называемых «элитных претендентов», т.е. выходцев из низов, которые приобрели богатство и теперь стремятся обратить его в политическую власть и социальный статус. В этот класс также попадают многие младшие сыновья и по каким бы то ни было причинам обедневшие члены элиты. В результате растет конкуренция за «элитные позиции» во власти, в экономике и в «статусных» организациях. Таким образом, благоприятная экономическая конъюнктура для элит через одно-два поколения приводит к ситуации перепроизводства элит, когда элитных мест гораздо меньше, чем желающих их занять.

Перепроизводство элит и сопровождающее его обострение внутриэлитной конкуренции можно измерить разными способами, но самый универсальный — инфляция дипломов (13, 14). Большинство студентов учится не для того, чтобы получить образование, а для того, чтобы получить диплом, который дает преимущества в конкуренции за элитные позиции. Поэтому начиная со средневековой Европы перепроизводство элит всегда сопровождается расширением спроса на высшее образование. Циклическое изменение спроса на высшее образование в США прослеживается по нескольким показателям, например по числу ме-

Рисунок 4

Спрос на высшее образование. Количество медицинских (сплошная линия) и зубоврачебных (пунктир) институтов в США

Источник: Carter S.B., Gartner S.S., Haines M.R., Olmstead A.L., Sutch R., Wright G. Editors. 2004. *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*. New York: Cambridge University Press.

дицинских институтов (рис. 4). Другой показатель — реальная (т.е. с учетом инфляции) стоимость обучения в высших учебных заведениях (рис. 5). После 1980 г. в частных колледжах стоимость обучения выросла почти в 2 раза. Перепроизводство элит также прослеживается по количеству выпускников юридических факультетов (рис. 6). Мы опять наблюдаем волнообразный процесс: бурный рост до 1920-х гг., стагнация с колебаниями до 1960 г., опять сменившаяся быстрым ростом. Между 1970 и 2000 гг. количество американских юристов на душу населения выросло в два раза. Число юристов — особенно хороший показатель для США, т.к. юридическое образование дает наиболее реальную воз-

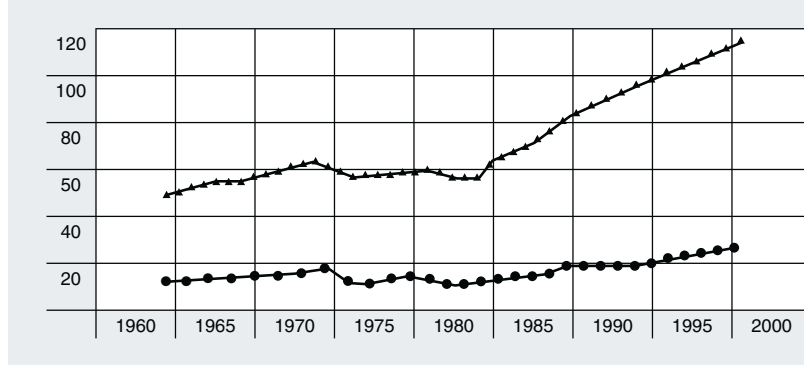
можность пробиться в американскую политическую элиту. Другой путь в элиту — MBA. Между 1971 и 2008 гг. число получающих степень MBA в год, по данным департамента образования США, выросло в 6 раз (или, при исчислении на душу населения, в 4 раза)!

Государство

В отличие от марксизма, согласно которому государство — не более чем орудие в руках правящего класса, в СДТ государство и элиты представляются как автономные подсистемы, хотя степень автономности может изменяться очень существенно. Например, в республиканском Риме элиты (сенаторский класс) и государство (сенат) были практически тождественны. С другой стороны, в

Рисунок 5

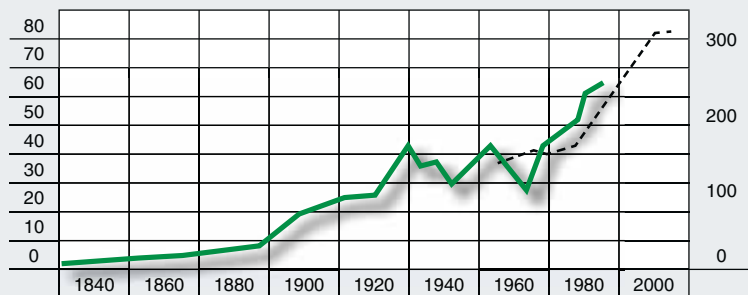
Индексы реальной стоимости обучения в американских вузах: частные колледжи (треугольники) и университеты штатов (кружки)

Источник: Carter S.B., Gartner S.S., Haines M.R., Olmstead A.L., Sutch R., Wright G. Editors. 2004. *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*. New York: Cambridge University Press.

Рисунок 6

Число студентов юридических факультетов на 100 тыс. населения (сплошная линия, левая шкала) и количество юристов на 100 тыс. населения (пунктир, правая шкала)

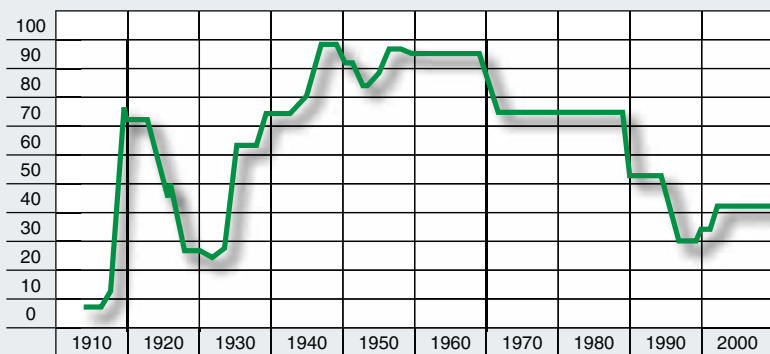
Источник: Carter S.B., Gartner S.S., Haines M.R., Olmstead A.L., Sutch R., Wright G. Editors. 2004. *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*. New York: Cambridge University Press.

таких бюрократических империях, как многие китайские, государство обладало высокой степенью автономности. В США XIX в. государство почти соответствовало марксистской модели. Однако в результате реформ, проведенных во время двух мировых войн (и во время Великой депрессии), оно перераспределило значительную часть ресурсов в свою пользу и получило большую степень автономности (которую, впрочем, не следует переоценивать). Именно в это время доля ВВП, идущая на государственные нужды, выросла с 2 до 20%. Поэтому динамика государства играла незначительную роль в дезинтегративных процессах первого векового цикла США, но в XXI в., скорее всего, ситуация будет обратной.

Рисунок 7

Федеральная ставка налога на доход свыше 1 млн долл., %

Источник: Carter S.B., Gartner S.S., Haines M.R., Olmstead A.L., Sutch R., Wright G. Editors. 2004. *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*. New York: Cambridge University Press.

В классической СДТ (10) демографический рост ведет к инфляции цен, что постепенно уменьшает покупательную способность налогов, собираемых государством. Государство пытается компенсировать эту тенденцию, увеличивая налоги, но встречает сопротивление народа и элит. С другой стороны, выросшее население требует больших затрат (на армию, полицию и бюрократический аппарат). Кроме того, в результате перепроизводства элит образуется большой слой элитных претендентов, которые надеются сохранить свой социальный статус за счет карьеры на государственной службе. Эта прослойка оказывает гигантское давление на государство, которое в ответ создает дополнительные рабочие места, новые государственные агентства и т.д.

Все эти процессы мы сейчас наблюдаем в США. Основная причина роста расходов государства — давление элит (включая элитных претендентов). Возьмем для примера самую большую статью государственных расходов — на оборону. После окончания холодной войны американская пресса много обсуждала «дивиденд мира», а также то, как его потратить. Но, т.к. военные расходы США мотивированы совсем не оборонными нуждами страны, этот «дивиденд» так и не материализовался. Может показаться странным, что содержание одного пехотинца в Афганистане обходится в целый миллион долларов в год. Череда скандалов, многие из которых были связаны с подразделением компании Halliburton, являющимся подрядчиком Пентагона, показала, что большая часть этих денег банально «пилится». И это лишь один из каналов, по которым государство направляет ресурсы на поддержку элит.

Одновременно с ростом государственных расходов элиты систематически уменьшали свое налоговое бремя (переложив его

на плечи среднего класса). Мало кто знает, что еще в 1960 г. федеральная ставка налога на доходы выше 1 млн долл. была 86,9%. Как видно на *рис. 7*, налоговая ставка изменялась циклически и в противофазе по отношению к динамике экономического неравенства (*рис. 3*). На сегодняшний день эта ставка упала до 35%. На самом деле, т.к. основные доходы элита получает не от зарплаты, а в качестве дивидендов (на которые налоговая ставка составляет всего лишь 15%), сегодня элиты платят меньший процент своего дохода в виде налогов, чем средний класс. Как отмечал один из самых богатых американцев, Уоррен Бафетт, его ставка налога ниже, чем у его собственной секретарши.

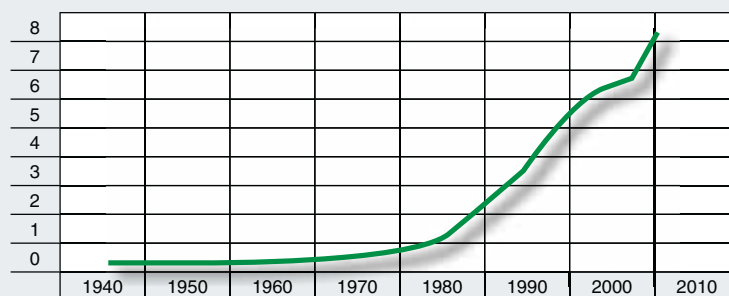
Результат растущих расходов и стагнирующих доходов — дефицит государственного бюджета. До 1970 г. долг федерального государства практически не рос (*рис. 8*). Переломный момент, как и с многими другими структурно-демографическими показателями, имел место в 1970-е гг. Это был первый случай в истории американского государства, когда его долг рос в мирное время. Взрывной рост государственного долга — один из типичных индикаторов грядущего структурно-демографического кризиса.

Социальная и политическая нестабильность: что было причиной Американской гражданской войны?

Механизм перехода от интегративной к дезинтегративной фазе векового цикла был подробно рассмотрен нами в недавней работе, где мы проверяли СДТ на восьми вековых циклах (Англия и Франция Средних веков и Нового времени, Римская республика и империя и Россия от XV в. до Октябрьской революции). Рассмотрим влияние таких структурно-демографических процессов, как иммиграция и перепроизводство элиты, на волну

Рисунок 8

Динамика федеральной задолженности в США, трлн долл.

Источник: Казначейство США.

нестабильности в истории США второй половины XIX в. (как упоминалось выше, динамика государства играла незначительную роль в дезинтегративных процессах первого векового цикла США). Эта волна нестабильности хорошо просматривается на *рис. 9*, однако надо учитывать, что динамика нестабильности — сложный нелинейный процесс, на который влияет несколько факторов. Поэтому на долгосрочный вековой цикл накладываются более краткосрочные циклы «отцов и детей» со средним периодом около 50 лет (всплески приблизительно в 1870, 1920 и 1970 гг.). Об этих вторичных циклах речь пойдет позже.

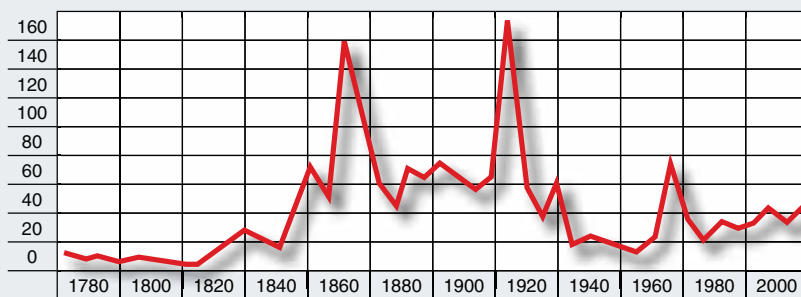
Первый фактор, влияющий на рост социополитической нестабильности в СДТ, — падение

уровня жизни народных масс и растущее в них глухое недовольство. В США инциденты политического насилия традиционно принимали такие формы, как городские бунты, погромы на расовой или этнической почве, суды Линча в сельской местности и т.д.

Второй фактор, недовольство элиты, еще более опасен для стабильности, чем недовольство простого народа, потому что именно этот класс управляет страной. В результате перепроизводства элиты и обостряющейся межэлитной конкуренции образуются враждующие группировки элит. Они начинают конкурировать за уменьшающийся «пирог», т.е. государственные кормушки разного рода.

Рисунок 9

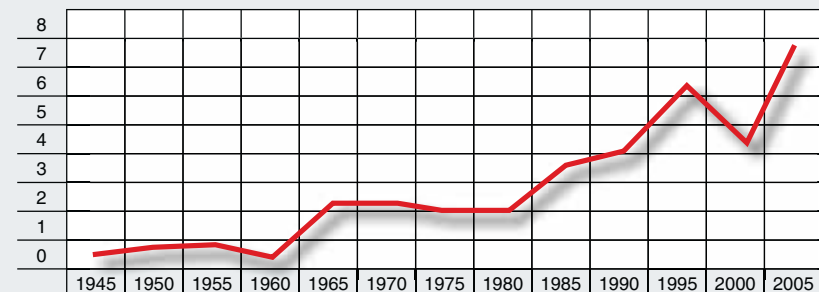
Динамика политической нестабильности в США, 1780–2009 гг. По оси абсцисс отложено количество за 5 лет летальных (как минимум одна смерть) межгрупповых конфликтов (городские бунты, суды Линча, расовые погромы и т.д.)

Источник: неопубликованная работа автора. Гражданская война 1861–1865 гг. не включена в этот график, т.к. ее масштаб был несопоставимо больше, чем все остальные конфликты.

Рисунок 10

Динамика «массовых расстрелов» в США, 1945–2008 гг. По оси абсцисс отложено среднее число массовых расстрелов в год. Данные усреднены по пятилетиям. Из данных исключены случаи криминальных разборок, а также внутрисемейные убийства

Источник: неопубликованная работа автора.

Перепроизводство, ведущее к расколу элит, таким образом, — важнейший фактор в СДТ, который коренным образом отличает ее от грубой мальтузианской парадигмы (марксистские идеи о том, что революции в Англии и Франции случились из-за борьбы между феодалами и буржуазией, также не подтверждаются современными историческими исследованиями). Раскол элит сопровождается тем, что образуется недовольная часть элиты — контрэлита, — которая в какой-то момент готова применить силу, чтобы отстоять свои интересы. Это и приводит к революциям и гражданским войнам. Не стала исключением и Гражданская война между Северными и Южными штатами.

Динамические данные по основным структурно-демографическим показателям позволяют построить следующий сценарий, объясняющий, почему произошла Американская гражданская война. Первые десятилетия XIX в. в США были на редкость стабильным периодом (рис. 9). В 1830-е гг., однако, началась первая волна массивной иммиграции, стали падать демографические показатели благосостояния (средний рост, продолжительность жизни). Это вызвало небольшой всплеск нестабильности уже в конце 1830-х гг., но гораздо более серьезный скачок

произошел в 1850-е гг. Причем это были очень разнородные события — городские бунты, стычки между «нативистами» и иммигрантами, «Кровоточащий Канзас» как пролог к Гражданской войне, начавшейся в следующем десятилетии, восстание арендаторов против землевладельцев в долине реки Гудзон и даже религиозная война (против мормонов). Однако этот всплеск нестабильности был лишь предвестником грядущего конфликта. Гражданская война началась в результате раскола элит.

В период между революцией и Гражданской войной (1780–1860 гг.) США управлялись южными (рабовладельческими) элитами. Младшим партнером во власти были купеческие элиты Северо-Востока (в первую очередь Бостона и Нью-Йорка). Однако начиная с 1830 г. на Северо-Востоке и Старом Северо-Западе (ныне Средний Запад) появились новые элиты, источником богатства которых была индустриализация и дешевый фабричный труд, обеспеченный наплывом иммигрантов. Численность и богатство новых промышленных элит (капиталистов) бурно росли, и к 1860 г. они стали претендовать на политическую власть, тем более что экономические интересы старых и новых элит расходились по ряду вопросов (тариф-

ная политика, иммиграция, государственные преференции для железных дорог и т.д.). Когда новым элитам удалось избрать своего президента (до того как Авраам Линкольн стал политиком, он был корпоративным юристом и имел тесные связи с железнодорожными баронами), старые элиты решили отделиться. Дальнейший ход истории хорошо известен. Заметим, что в результате отмены рабства старые элиты были уничтожены как потенциальный конкурент на федеральном уровне (но им позволили вернуть себе власть на локальном уровне, для чего северные элиты без большого сожаления пожертвовали политическими интересами недавно освобожденных афроамериканцев).

Хотя новый правящий класс капиталистов получил полную власть, проблема перепроизводства элит была решена только временно. Массовая иммиграция в США продолжалась, зарплата рабочих легко контролировалась предпринимателями, и плоды впечатляющего экономического роста в основном шли на производство, а вскоре и на перепроизводство элиты. В результате высокая политическая нестабильность сохранялась вплоть до конца XIX — начала XX вв., и к 1920-м гг. США вошли в новый кризис. Детально этот кризис мы здесь описывать не будем, отметим только, что правящий класс сумел выйти из него без революции и гражданской войны. Одним из ключевых шагов, с помощью которых удалось разрешить кризис, было политическое решение перекрыть поток иммигрантов в начале 1920-х гг.

Социальная и политическая нестабильность во втором вековом цикле

Динамика основных структурно-демографических показателей позволяет предположить, что сегодня Соединенные Штаты вошли в предкризисную стадию веково-

го цикла, во многом схожую с ситуацией 1840–1850-х гг.

Падение уровня жизни для низших социоэкономических слоев населения продолжается уже более трех десятилетий. Конечно, в отличие от Средних веков в США нет массового «голодомора»; иммизерация в XXI в. — процесс относительный, а не абсолютный. Тем не менее многие американцы, судя по недавним опросам, потеряли веру в «американскую мечту». Более того, падение уровня жизни постепенно распространяется на средний класс. Стоимость таких индикаторов социального статуса, как высшее образование и собственный дом, растет гораздо быстрее, чем официальная инфляция или, что важнее, доход семьи. Переход от семьи с одним кормильцем к семье, где работают оба родителя, уже практически завершился. Таким образом, этот ресурс повышения семейных доходов исчерпан. Именно из-за необходимости трат на поддержку социального статуса растет задолженность средней американской семьи.

Ухудшающееся экономическое положение средних американцев помогает нам понять, казалось бы, загадочный тренд в динамике так называемых «массовых расстрелов», когда, казалось бы, ничем не примечательные индивиды открывают пальбу по сослуживцам, студентам или случайным прохожим. За последние 40 лет частота таких инцидентов выросла на порядок (рис. 10). Причем в данные, показанные на графике, не включены ни массовые убийства, связанные с преступностью, ни убийства, совершенные в семьях. График показывает динамику «бессмысленных» массовых убийств, в которых убийца убивает не конкретных обидчиков, а тех, кто просто попался под руку. Большинство этих расстрелов (впрочем, не всегда это именно расстрелы, оружием убийства может послужить и бомба; между

массовыми расстрелами и терроризмом нет четкой грани) происходит либо на работе (около трети), либо в учебных заведениях (тоже около трети). Социологические исследования (15, 16) показали, что типичный убийца не метит в конкретных людей, а пытается «убить» целую организацию — фирму, школу. В последнее же время все чаще в качестве цели выступают представители власти или правительственные учреждения.

Рост бессмысленных массовых убийств — внешний индикатор глубинных структурно-демографических процессов, в результате которых растущее давление неблагоприятной со-

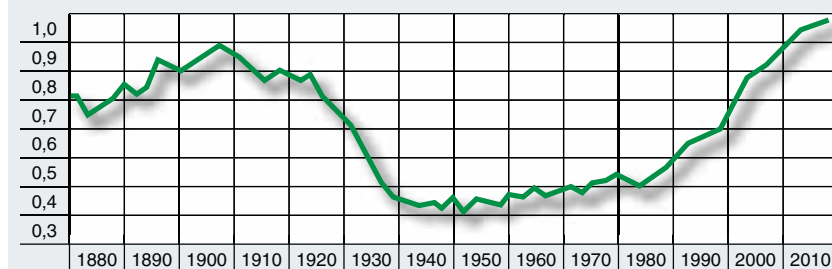
циальной среды на человеческую психику превышает порог терпимости все большего числа людей. Эта интерпретация объясняет, почему подавляющее большинство случаев «бессмысленной резни» связано с работой или учебой, которые соответствуют двум неблагоприятным структурно-демографическим трендам — иммизерации и перепроизводству элиты.

Конечно, не надо переоценивать опасность массовых убийств, которые являются показателем растущего неблагополучия американского общества. Пока элиты едины, а государство дееспособно (и, главное, платежеспособно), такие акции отчаявшихся одиночек (или небольших групп из 2–3 человек) не представляют серьезной опасности для государственных и общественных институтов. Проблема заключается в том, что не все обстоит благополучно ни с элитами, ни с государством.

В СДТ перепроизводство элит ведет к обостряющейся межэлитной конкуренции и, в конце концов, к расколу правящего класса. Несколько индикаторов показывают, что этот процесс зашел достаточно далеко. Например, Нолан Маккарти, Кейт Пул и Говард Розенталь (17) проанализировали результаты голосований в американском конгрессе и измерили расстояние между средними позициями, занимаемыми демокра-

Рисунок 11

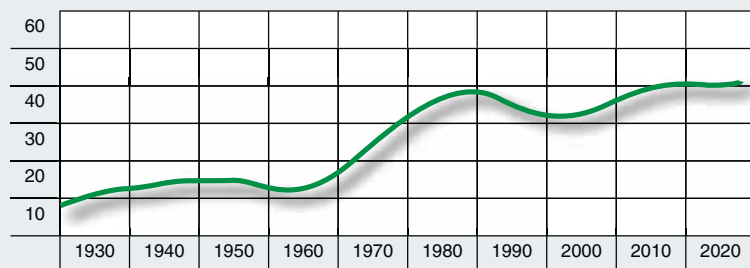
Уровень поляризации в американском конгрессе, 1879–2009 гг.

Источник: McCarty N., Poole K.T., Rosenthal H. 2006. *Polarized America: The Dance of Ideology and Unequal Riches*, Boston: MIT Press.

Рисунок 12

Численность американцев, принадлежащих к когорте 20-летних (возраст от 20 до 29 лет), млн человек

тами и республиканцами, которое они интерпретируют как индекс поляризации. Анализ показал, что в 1935–1975 гг. индекс поляризации был очень низок (рис. 11). Это означает, что идеологические различия между демократами и республиканцами в этот период были невелики — конгрессмены избранные от одного штата занимали схожие позиции, даже если и принадлежали к разным партиям.

Однако для более раннего периода, соответствующего дезинтегративной фазе первого цикла, поляризация по партийному признаку была очень высокой. Что особенно интересно, начиная с 1980 г. индекс поляризации опять стал расти и сегодня превысил пиковые значения, достигнутые в предыдущем цикле (рис. 11).

Другие показатели подтверждают тенденцию, обозначенную на рис. 11. Так, в 1950-е гг. конгресс подтверждал огромное большинство (90–100%) кандидатур федеральных судей, выдвинутых президентом. После 1980 г. все больше кандидатур стало отвергаться, а за последнее десятилетие конгресс проголосовал против половины кандидатов (18). Другой показатель связан с частотой «филибастеров». В американском сенате существует правило, в соответствии с которым дебаты по поводу законопроекта могут вестись бесконечно. Это правило позволяет оппозиции предотвратить принятие закона, используя поток словоизвержения, что и называется

филибастером (чтобы остановить филибастер, должны проголосовать как минимум 60% сенаторов). До 1970 г. такая «пиратская» практика применялась крайне редко — менее чем в 10% случаев. Теперь филибастеры используются против 70% законов. Последний показатель — трудно квантифицируемое, но очевидное для любого наблюдателя изменение тона политического дискурса. Степень его «ядовитости» в последние годы просто зашкаливает.

Итак, ряд показателей свидетельствует о том, что в США углубляется раскол внутри политической элиты. Линии разлома проходят не только по партийному признаку, но и по географическому (Север против Юга, центр против периферии). Растут сепаратистские настроения в ряде штатов (например, на Аляске партии независимости даже удалось избрать своего кандидата в губернаторы штата). Совсем недавно появился ряд «элитных политических предпринимателей» (например, Сара Пэйлин и Глен Бек), которые пытаются сделать карьеру, используя протестные настроения населения. Это крайне тревожный знак.

Падающий уровень жизни, растущий мобилизационный потенциал масс, раскол элит, появление политических предпринимателей, готовых реализовать мобилизационный потенциал, — таковы основные предпосылки острого политического кризиса в СДТ. В наиболее часто встреча-

ющемся сценарии роль спускового механизма играет финансовый крах государства и потеря им контроля над принудительным аппаратом (армией и полицией). К несчастью, финансовая политика, проводимая США с 1980 г., и в особенности двумя последними администрациями (рис. 8), делает такой исход вполне реальным. Поражает беспечность, с которой бюджетные дыры затыкаются триллионами напечатанных долларов. И здравый смысл, и история подсказывают, что бесконечно так продолжаться не может. Но «в этот раз все будет по-другому» (19).

Среднесрочная динамика до 2020 г. и дополнительные механизмы нестабильности

Подводя итоги, все основные показатели СДТ — иммиграция и протестные настроения среди народа, перепроизводство и раскол среди элит и растущая финансовая хрупкость государства — указывают на то, что США находятся на предкризисной стадии. Это не значит, что революция или кровавая гражданская война, а то и распад США на отдельные части неизбежны.

Политическая система США имеет большой запас прочности. При наличии политической воли, в принципе, возможны реформы и конкретные шаги, которые позволят избежать кризиса. Большой вопрос, найдется ли такая политическая воля, и кто будет ее проводником. На данный момент существование подобной «элитной группировки» не просматривается (вспомним, что реформам администрации Франклина Рузвельта предшествовала длительная подготовка общественного мнения прогрессистами). В этой связи было бы интересно понять, сколько остается времени для мобилизации политической воли, если такое возможно. Другими словами: когда социальное давление должно достигнуть своего пика, когда срыв в кризис наиболее вероятен?

Структурно-демографические процессы развиваются на очень длинных временных шкалах, и поэтому точный прогноз из СДТ извлечь невозможно. Грубо говоря, давление нарастает с 1970-х гг., оно может расти еще и десятилетия, и два — когда временной масштаб колебаний измеряется столетиями, ошибка прогноза может легко составить 10–20 лет. Одно ясно, что вряд ли какие-нибудь серьезные политические потрясения произойдут в ближайшие 1–3 года. Отсутствует одна из важнейших предпосылок для политического кризиса — решительная и организованная контрэлита, и пока непонятно, из каких сегментов общества она может сформироваться и какой может быть ее идеология. Левые борцы за мир? Правые-нативисты? Аляскинские или техасские сепаратисты? Латиносы? «Чайные партии»?

С другой стороны, структурно-демографические процессы — не единственный фактор, который влияет на динамику политической нестабильности. Другие, более краткосрочные, процессы позволяют уточнить временные рамки ожидаемого пика нестабильности.

Первый такой процесс — цикл «отцов и детей». Анализ временных рядов политической нестабильности в очень разных странах (от древнего Рима до Российской империи) показывает, что на динамику нестабильности влияют два циклических процесса (плюс нециклические, стохастические факторы): вековой цикл, на который накладывается цикл с периодом в 40–60 лет. Поскольку период второго цикла примерно соответствует двум поколениям, можно предположить, что эти колебания — результат чередования поколений. Вкратце: поколение отцов устраивает революцию и гражданскую войну, ужасы которой «иммунизируют» поколение детей, настраивая их на поддержание стабильности любой ценой. Однако сле-

дующее поколение (внуки), которое не имеет личного опыта жизни при высокой нестабильности, готово снова заварить революционную кашу. По этой причине дезинтегративные фазы вековых циклов обычно проходят через череду периодов интенсивной нестабильности, перемежаемых периодами относительного спокойствия, и интервалы между пиками нестабильности лежат в диапазоне 50 ± 10 лет. Эта динамика вполне четко просматривается на *рис. 9*: всплески нестабильности около 1870, 1920 и 1970 гг. Проецируя этот ряд в будущее, можно заключить, что следующий всплеск нестабильности должен произойти приблизительно в 2020 г.

Второй фактор — нарастающий «молодежный горб». Как известно, революции делаются молодыми, и поэтому численность людей в возрастной группе от 20 до 29 лет оказывает ощутимое влияние на политическую нестабильность в обществе. В США численность этой когорты быстро росла в 1960-е и 1970-е гг. (*рис. 12*), и «молодежный горб», без сомнения, повлиял на эти турбулентные декады. И наоборот, дефицит молодежи в 1985–2000 гг. помогает нам понять, почему этот период был вполне спокойным. После 2000 г. численность молодежи опять начала расти, и к 2020 г. эта группа будет насчитывать на 7 млн человек больше, чем в 2000 г.

Третий процесс — кондратьевский цикл экономической конъюнктуры с периодом 40–60 лет. По оценкам экспертов (20), мы сейчас входим в фазу депрессии кондратьевского цикла, которая может продолжаться до 2020 г., а в 2020–2040 гг. ожидается фаза подъема следующего цикла. Таким образом, предстоящее десятилетие, скорее всего, будет характеризоваться особенно тяжелыми экономическими кризисами.

На данный момент (март 2010 г.) экономические показатели позволяют предположить, что мировая экономика постепенно оправляется от кризиса 2008–2009 гг. Однако кризис в конце следующего цикла деловой активности, возможно во второй половине 2010-х гг., может быть еще более тяжелым, чем тот, из которого мы сейчас выходим. Такой кризис, в принципе, может привести к краху государственных финансов США и послужить пусковым механизмом самого серьезного политического кризиса в США со времен Гражданской войны.

Несколько колебательных процессов общественного развития — вековой цикл, цикл отцов и детей, «молодежный горб» и кондратьевский цикл — накладываются друг на друга таким образом, что их давление на стабилизирующие структуры общества достигнет пика примерно в 2020 г.

Сможет ли политическая система США выдержать это давление или нет, покажет будущее. Всем нам, выросшим в эпоху могучей Американской империи, трудно себе представить, что она может коллапсировать. Тем не менее нужно быть готовым и к такому варианту будущего.

ПЭС 10038/27.02.2010

Примечания

1. Turchin P. 2006. Scientific prediction in historical sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud, in *History and Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies*, ed P. Turchin L., Grinin A., Korotayev, and V.C. de Munck. Moscow: URSS.
2. Turchin P. 2003. *Historical dynamics: why states rise and fall*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
3. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: КомКнига, 2007.
4. Turchin P. 2005. *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations*, NY: Pi Press.
5. Turchin P., Nefedov S. 2009. *Secular cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
6. Mann M. 1986. *The sources of social power. I. A history of power from the beginning to A.D. 1760*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
7. <http://sociology.ucsc.edu/whorulesamerica/power/wealth.html>
8. Komlos J., Baur M. 2004. From the tallest to (one of) the fattest: the enigmatic fate of the American population in the 20th century. *Economics and Human Biology* 2:57–74.
9. <http://www.eh.net/hmit/databases/unskilledwage/>
10. Phillips K. 2008. Numbers Racket: Why the economy is worse than we know. *Harper's Magazine* 316:43–47.
11. Borjas G.J. 2003. The labor demand curve is downward sloping: Re-examining the impact of immigration on the labor market. *Quarterly Journal of Economics* 118:1335–1374.
12. Borjas G.J., Grogger J., Hanson G.H. 2006. Immigration and African-American Employment Opportunities: The response of wages, employment, and incarceration to labor supply shocks. NBER Working Paper 12518.
13. Collins R. 1979. *The credential society: an historical sociology of education and stratification*, New York: Academic Press.
14. Goldstone J.A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley, CA: University of California Press.
15. Newman K.S. 2004. *Rampage: The Social Roots of School Shootings*, New York: Basic Books.
16. Ames M. 2005. *Going Postal: Rage, Murder, and Rebellion from Reagan's Workplaces to Clinton's Columbine and Beyond*. Brooklyn, NY: Soft Skull Press.
17. McCarty N., Poole K.T., Rosenthal H. 2006. *Polarized America: The Dance of Ideology and Unequal Riches*, Boston: MIT Press.
18. Binder S., Maltzman F. 2009. The politics of confirming federal judges. *Judicature* 92:320–329.
19. Reinhart C.M., Rogoff K. 2009. *This Time is Different: Eight Centuries of Financial Folly*, Princeton: Princeton University Press.
20. Акаев А.А., Садовничий В.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

